

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

Колесник В.В.

Ростовский филиал ФБГОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
(Ленина проспект, д. 66, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344038)

Ссылка для цитирования: Колесник В.В. К вопросу о возможных направлениях модернизации примирительных уголовно-процессуальных процедур. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):74–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-74-81>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Колесник Вероника Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Адрес: Ленина проспект, д. 66, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344038

Тел.: +7 (918) 591-20-85

E-mail: nikkipohta@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 18.10.2022

Статья принята к печати: 18.11.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Бурное развитие законодательства, связанного с урегулированием уголовно-правовых споров мирным путем, порождает необходимость создания научной основы правового строительства в данном направлении. К настоящему времени определились несколько базовых моделей примирительных уголовно-процессуальных процедур. Во-первых, это медиационная модель, которая предполагает участие официального или неофициального посредника в достижении примирения потерпевшего с обвиняемым, а также выработку условий прекращения уголовного преследования. Медиатор должен содействовать неофициальному примирению потерпевшего с обвиняемым, особенно по делам о несовершеннолетних, где ставится вопрос о замене наказания мерой принудительного воспитательного воздействия. В медиации важны антропологический, психологический фактор, примирение должно быть реальным и сопровождаться раскаянием виновника, содержать воспитательный эффект. При этом компенсаторный фактор имеет субсидиарное значение и является предметом соглашения сторон. В примирительной процедуре «транзакции», воплощением которой является статья 28.1 УПК РФ, главная цель состоит в возмещении причиненного преступлением материального вреда в полном объеме. Юридический состав материального основания «транзакции» ограничен материальной компенсацией. Поэтому сфера применения этой примирительной процедуры должна быть ограничена преступлениями против чужой собственности небольшой и средней тяжести, а также налоговыми преступлениями и некоторыми преступлениями экономической направленности.

Целью данной работы является классификация видов и выявление основных закономерностей развития примирительных процедур как оснований для определения возможных направлений их модернизации.

В задачи исследования входит выявление отличительных признаков примирительных процедур и формирование их видов, выделение классификационных критериев, установление

отсутствия необходимых компонент каждой из них, которые требуют восполнения в последующем правовом строительстве.

Основными *методами* достижения поставленных целей и решения задач наряду с диалектикой, логическими и формально-юридическими способами познания и оценки полученных данных, стали метод сравнительного правоведения и системный метод, позволившие осуществить комплексный, межатраслевой подход.

Результатами исследования стали авторские предложения относительно перспективных направлений развития примирительных уголовно-процессуальных процедур, связанных с сосредоточением полномочий по их применению у прокурора и следственного судьи.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, примирительная процедура, медиация, транзакция, прокурор, следственный судья, компенсация вреда.

TO THE QUESTION OF POSSIBLE DIRECTIONS OF MODERNIZATION OF CONCILIATORY CRIMINAL PROCEDURAL PROCEDURES

Veronika V. Kolesnik

Rostov Branch of the Russian State University of Justice
(Lenin Avenue, 66, Rostov-on-Don, Russia, 344038)

Link for citation: Kolesnik V.V. To the question of possible directions of modernization of conciliatory criminal procedural procedures. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):74–81. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-74-81>

CONTACT INFORMATION:

Veronika V. Kolesnik, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice

Address: Lenin Avenue, 66, Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel.: +7 (918) 591-20-85

E-mail: nikkipohta@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 18.10.2022

The article has been accepted for publication: 18.11.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The rapid development of legislation related to the peaceful settlement of criminal law disputes creates the need to create a scientific basis for legal construction in this direction. To date, several basic models of conciliatory criminal procedure procedures have been identified. Firstly, this is a mediation model, which involves the participation of an official or unofficial mediator in achieving reconciliation between the victim and the accused, as well as the development of other conditions for the termination of criminal prosecution. The mediator should contribute to the unofficial reconciliation of the victim with the accused, especially in cases of minors, where the question is raised of replacing punishment with a measure of compulsory educational influence. Anthropological and psychological factors are important in mediation, reconciliation must be real and accompanied by repentance of the perpetrator and have an educational effect. At the same time, the compensatory factor has a subsidiary value and is the subject of agreement between the parties. In the conciliatory procedure of «transaction», which is embodied in Article 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the main goal is to compensate for the material damage caused by the crime in full. The legal composition of the material basis of a «transaction» is limited to material compensation. Therefore, the scope of this conciliation procedure should be limited to crimes against other people's property of small and medium gravity, as well as tax crimes and some crimes of an economic nature.

The purpose of this work is to classify the types and identify the main patterns of development of conciliation procedures as grounds for determining possible directions of their modernization.

The objectives of the study include identifying differences in the types of conciliation procedures, allocation of classification criteria, establishing the absence of the necessary components of each of them, which require replenishment in the subsequent legal construction.

The main methods of achieving the set goals and solving problems, along with dialectics, logical and formal legal methods of cognition and evaluation of the data obtained, were the method of comparative jurisprudence and the systematic method, which made it possible to implement a comprehensive, intersectoral approach.

The results of the study were the author's proposals regarding promising directions for the development of conciliatory criminal procedural procedures related to the concentration of powers for their application by the prosecutor and the investigating judge.

Keywords: criminal proceedings, mediation, transaction, conciliation procedure, prosecutor, investigating judge, criminal prosecution, compensation for harm.

Введение

Одной из самых актуальных и сложных проблем отечественного правоведения, уголовно-правовых наук, включая уголовную процессуалистику, является проблема модернизация средств правового реагирования на преступления. Она отчасти порождена советским прошлым российского права, но в значительной мере обострена явлениями глобализации и цифровизации.

К настоящему времени в общей теории права [11; 17; 19, с. 283–284] и в теории уголовного процесса [6; 10] сложилась довольно устойчивая система представлений относительно использования в сфере судопроизводства идей и уже готовых правовых инструментов, имеющих частноправовое происхождение. Их можно квалифицировать как учение о конвергенции частного права и уголовного, уголовно-процессуального права.

Одним из наиболее развитых направлений в составе этого учения можно считать теоретические разработки о так называемом экономическом уголовном [9, с. 317–329], уголовно-процессуальном праве [4, с. 236–245; 20]. Научные разработки по данной теме можно назвать примером нового синтетического мультидисциплинарного знания о перспективах развития правовой организации противодействия преступности в современных условиях.

Сторонники развития данной подотрасли уголовно-процессуального права утверждают о необходимости применения особых методов правового урегулирования уголовно-правовых конфликтов, возникающих в сфере экономики. Имеются в виду, прежде всего, диспозитивный, договорной методы [12], которые имеют наибольшее распространение в гражданско-правовой сфере, но также и подходов, основанных на цифровых технологиях, которые опять-таки предполагают формирование среды взаимодействия, кооперации, совместной выработки правовых решений [2; 26, с. 1195–1203].

Ключевым элементом этого нового правового механизма воздействия на преступность и восстановления деформированных преступлениями, общественных отношений, является межотраслевой, комплексный институт примирительных процедур.

Методы исследования

Диалектический метод позволил изучить уголовное судопроизводство в части включенных в него элементов примирительных процедур с позиции единства и борьбы противоположностей, который в результате привел к выявлению основных сущностных признаков указанных процедур, а также определению их генезиса и возможного вектора последующего развития.

Логические методы (индукция, дедукция) стали основными для получения знаний относительно общих и индивидуальных признаков примирительных процедур, способами научной проекции общих процедурных правил на возможную процессуальную форму некоторых примирительных процедур.

Формально-юридический метод стал основанием для изучения уголовно-процессуального законодательства в части регулирования примирительных процедур, его истолкования и уяснения смысла правовых положений и замысла законодателя.

Наиболее важными результатами применения системного метода стало выявление корреляционных связей между общими способами уголовного преследования и элементами примирительных процедур, что позволило установить как уголовно-процессуальную природу указанных процедур, так и возможность их применения в рамках начатого уголовного преследования в общей форме. Этот же метод сделал возможным определить основные направления последующего

прогрессивного развития уголовного судопроизводства в целом и такого его элемента как примирительные процедуры.

Метод сравнительного правоведения, как специальный метод исследования по сопоставлению отдельных положений уголовно-процессуального права, регулирующих примирительные процессы, позволил выяснить их сходство и отличия, выделить совокупность существенных признаков позволяющие индивидуализировать отдельные примирительные процедуры, составить на их основе целостную картину возможного мирного разрешения правового конфликта.

Результаты исследования

Несмотря на то, что уголовно-процессуальные примирительные процедуры имеют во многом совпадающие модели, между ними есть различие, которое позволяет выделить две основные формы: медиационные процедуры и транзакцию. К медиационным процедурам правоприменительно следует прибегать в случаях, где важен примирительный, воспитательный аспект, не исключая компенсаторный момент. Транзакция же должна более практиковаться для разрешения уголовно-правовых конфликтов, имеющих экономическую основу, где главное – это восстановление права частной собственности. На наш взгляд, в понятии медиационная примирительная процедура силен антропологический момент, должно быть примирение людей и раскаяние лица (несовершеннолетнего), совершившего преступление, хотя и не всегда деятельное. В случае же транзакции преследуется чисто прагматическая цель – восстановление частной собственности, все остальные последствия являются сопутствующими.

Научная дискуссия

К настоящему времени в уголовно-процессуальном праве под воздействием проникновения диспозитивного метода правового регулирования сложился довольно значительный корпус правовых норм о примирительных процедурах. Это порождает теоретико-методологическую проблему их классификации, несмотря на их общую природу и генезис. В этой связи полагаем, что понятие «примирительная процедура» допустимо трактовать широко и в более узком смысле.

В широком смысле примирительными процедурами можно считать не только процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, где предполагается формальное или фактическое примирение стороны обвинения и стороны защиты, но и любые процедуры, в рамках которых стороны и суд вырабатывают компромиссные решения, удовлетворяющие участников процесса [7; 22].

Следуя этой логике, можно заключить, что примирительные уголовно-процессуальные производства имеются там и тогда, где и когда закон ставит разрешение уголовно-правового вопроса, принятие решения по отдельному вопросу или делу, в зависимости от диспозитивного волеизъявления сторон, а не от безличной воли закона. Иными словами, можно связывать примирительные процедуры с действием принципа диспозитивности, который если не вытесняет принцип публичности, то служит ему дополнением.

При таком подходе к примирительным процедурам можно отнести в первую очередь процедуры, ведущие к бесспорному разрешению уголовно-процессуального спора, то есть нормы глав 32.1, 40, 40.1, 51.1, а также ст. ст. 427, 432 УПК РФ.

Далее, к примирительным процедурам традиционно относят процедуры прекращения уголовных дел (преследований) по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, ст. 25, ст. 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 28, ст. ст. 28.1, 427 УПК РФ.

Кроме того, к примирительным процедурам можно отнести процедуры, предметом которых составляют такие вопросы, связанные с назначением экспертизы (ст. 198 УПК РФ), определением возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие кого-либо из участников уголовного судопроизводства (ст. 272 УПК РФ), с исследованием доказательств в суде (ст. 274 УПК РФ), в суде апелляционной инстанции (части 6, 7 статьи 389.13 УПК РФ) и др.

Таким образом, под понятие «примирительные процедуры» подпадает достаточно широкий, качественно различающих производств и отдельных уголовно-процессуальных норм.

Широко понимаемые «примирительные процедуры» в содержательном плане пересекаются или даже совпадают по смыслу с иными явлениями и обозначаемыми их категориями, а именно: «согласительные процедуры», «договорные процедуры», «компромиссные процедуры» и пр. [1; 16].

Подобная путаница в терминологии, на наш взгляд, не способствует ясности в научных воззрениях на исследуемые правовые реалии и мешает правильному выстраиванию научных правовых конструкций. Поэтому, с нашей точки зрения, предпочтительнее ограничительный подход к трактовке понятия «примирительные процедуры». В основу этого понятия должно быть положено

слово «мир», то есть мирное разрешение уголовно-правового конфликта его участниками (потерпевшим и обвиняемым), при посредничестве или даже под руководством органа, ведущего уголовного дело, но также и неофициального медиатора – посредника в лице общественности¹ [15].

Предварительно к «примирительным процедурам» можно отнести нескольких процедур прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, которые предусмотрены ч. 2 ст. 20, 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ.

Несмотря на все различия у них главное общее, во-первых, примирение в широком смысле и, во-вторых, альтернативный обычному, то есть обычному способу применения уголовно-правовой нормы, исход дела [5; 8; 18].

Далее, если следовать новейшим разработкам по затронутой нами тематике, вытекает необходимость классифицирования этих примирительных процедур на «медиационные» и «транзакционные» [14, с. 6–9; 24]. К медиационным примирительным процедурам в тесном смысле этого слова надо отнести процедуры, обладающими нижеследующими качествами.

1. В своей основе они имеют примирение потерпевшего с обвиняемым. Таким образом, частное, диспозитивное уголовно-процессуальное отношение частных лиц составляет правовое ядро этой процедуры.

2. Со стороны обвинения субъектом примирения выступает частное лицо: потерпевший или частный обвинитель. Но не государство и не государственный правоохранительный орган.

3. Примирение потерпевшего и обвиняемого не порождает обязанности у органа, в чьем производстве находится уголовное дело прекратить производство. Уголовно-процессуальное решение о прекращении уголовно-правового конфликта на основе примирения потерпевшего с обвиняемым принимается правоприменителем по своему дискреционному усмотрению. Правоприменитель на находится в зависимости от воли примирившихся частных сторон.

4. Набор условий прекращения дела в рамках примирительной медиационной процедуры определяется законом, а не сторонами.

5. Полное возмещение вреда и вообще возмещение вреда потерпевшему не является главным, а тем более решающим условием прекращения уголовного дела.

6. В рамках примирительной процедуры предполагается участие независимого прежде всего от государства медиатора – представителя гражданского общества.

7. Настоящая примирительная процедура с участием медиатора предполагает не формальное, а реальное примирение потерпевшего и обвиняемого, от которого требуется проявление деятельного раскаяния и искреннего желания возместить причиненный моральный вред потерпевшему.

На наш взгляд, примирительные процедуры наиболее перспективны по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Несмотря, на спад интереса к теме ювенальной юстиции, мы считаем, что именно в контексте ювенальной юстиции следует развивать медиационные – примирительные процедуры прекращения уголовных дел в отношении несовершеннолетних в связи с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия [3]. При этом важной составляющей этой процедуры является именно воспитание несовершеннолетнего деликвента, профилактика новых правонарушений. Без создания специализированных медиаторов, органов пробации, вовлечения волонтеров в лице представителей гражданского общества, церкви, такие процедуры не могут быть вполне эффективными.

От медиационных примирительных процедур надо отличать процедуры компенсаторно-штрафные, к которым, в первую очередь, надо отнести «транзакцию». К понятию «транзакция» «La transaction pénale», имеющей французское происхождение, примыкает германское понятие «диверсия» (Diversion) [21; 25, с. 38–39], итальянская («l'oblazione») [14]. Суть процедуры, которая обозначается указанными понятиями, заключается в выплате обвиняемым определенной суммы денег в возмещение ущерба, причиненного преступными действиями.

В отличие от медиационной процедуры примирение как таковое здесь не имеет принципиального значения, тем более речи не идет о деятельном раскаянии и прочих морально-воспитательных моментах. Здесь главное заключается в полной компенсации причиненного материального вреда. При этом, на наш взгляд, вопрос о возмещении морального или физического вреда не должен решаться в рамках классической «транзакции», поскольку она распространяется только не на насильственные преступления. Отличие транзакции от медиации состоит также и в том,

¹ См.: Шестакова Л.А. Медиация в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета; 2021.

что выплата может быть сделана не только потерпевшему, но и государству. Субъектом выплаты может быть не только обвиняемый, но и любое иное лицо, согласившееся это сделать в его интересах [23].

Наиболее полная отечественная модель «транзакции» воплощена в статье 28.1 УПК РФ. По мнению большинства комментаторов, законодатель оправданно ввел этот механизм именно для той категории преступлений, приведенные в частях 1 и 2 указанной статьи. Так, А.В. Смирнов пишет о якобы «экскузивной» (от лат. *excusio* – извинять, освобождать) природе «экономических», но также и «налоговых» преступлений, которые в отличие от общеуголовных преступлений представляют меньшую общественную опасность [19, с. 283–284].

Между тем, мы разделяем подход, основанный на конституционном принципе равенства всех перед законом и судом. Мы признаем обоснованными доводы тех ученых, которые предлагают распространить транзакцию на ненасильственные преступления против собственности: кражи, мошенничество и пр. Мы предлагаем расширить применение модели «транзакции», распространив ее на общеуголовные преступления против чужой собственности.

В этой связи предлагается ввести в кодекс статью 28.2 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением вреда в полном объеме» следующего содержания: «1. Суд или прокурор прекращает уголовное преследование обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 158 ч. 1, 158.1, 159 ч. 1, 159.1 ч. 1, 159.2 ч. 1, 159.3 ч. 1, 159.5 ч. 1, 156.6 ч. 1, 160 ч. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в случае, если ущерб, причиненный в результате преступления, возмещен. 2. Прокурор в досудебном производстве или суд обязаны прекратить уголовное преследование обвиняемого при установлении факта возмещения ущерба в полном объеме».

Итак, примирительные процедуры, на наш взгляд, следует делить на медиационные и транзакционные. Кроме того, имея в виду процедуру, предусмотренную статьей 25.1, главой 51.1 УПК РФ, мы можем выделить еще и примирительно-штрафную модель разрешения уголовно-правового спора. Отличительной ее чертой является судебный порядок замены наказания штрафом и наиболее широкий круг преступлений (по сравнению с предметом других примирительных процедур), на которые она распространяется.

Соглашение – более широкое понятие, чем примирение. Хотя в рамках примирения стороны могут достигать соглашения, заключать договоры. Однако, наличие только договорных отношений без подключения примирения недостаточно, чтобы трактовать примирительную процедуру как медиационную. В то время как в транзакционной модели соглашение и договор являются основообразующими: заключение договора с обвиняемым о возмещении ущерба в полном объеме и последующее выполнение обвиняемым взятой на себя обязанности порождает обязанность обвинителя отказаться от уголовного преследования, а суд – прекратить уголовное дело.

Целесообразно поддержать мнение о том, что дальнейшее совершенствование примирительных процедур должно привести к созданию прокурорской и судебной моделей их реализации [23, с. 109].

Как следует из самих названий, в прокурорской модели – решение о прекращении досудебного уголовного преследования принимает прокурор. При этом, если освобождение от уголовной ответственности помимо возмещения вреда (транзакция) или примирения (медиация) предполагает еще и выплату штрафа, то прокурор выносит соответствующий приказ. В судебном формате транзакция или медиация может реализовываться следственным судьей – в ходе досудебного производства или судом, в производстве которого находится уголовное дело.

Список использованной литературы:

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Москва: Юрлитинформ; 2012.
2. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации. *Вестник Томского государственного университета*. 2019;(448):199–207. DOI: 10.17223/15617793/448/25.
3. Александров А.С., Бопхоев Х.В., Кухта А.А. Применение мер принуждения в отношении

References:

1. Abshilava G.V. [*Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation*]. Moscow: Yurлитinform; 2012. (In Russ.)]
2. Aleksandrov A.S., Andreeva O.I., Zaitsev O.A. [On the prospects for the development of Russian criminal justice in the context of digitalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2019;(448):199–207. DOI: 10.17223/15617793/448/25. (In Russ.)]
3. Aleksandrov A.S., Bopkhoev Kh.V., Kukhta A.A. [*The use of coercive measures against minors suspected*

несовершеннолетних лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: монография. Нижний Новгород: Нижегородская академия; 2008.

4. Александров А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве». *Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся*. Москва: ИД «Юриспруденция»; 2021.

5. Андреева О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: монография. Томск: Издательство ТГУ; 2000.

6. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография. Москва: Юридический центр Пресс; 2002.

7. Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации. *Закон*. 2009;(4):127–135.

8. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: монография. Волгоград: Издательство ВолГУ; 2005.

9. Жалинский А.Э. Избранные труды: В 4-х томах. Том 2. Уголовное право. (Монография). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015.

10. Жестовская Д.А., Тузов А.Г. От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего. *Уголовная юстиция*. 2018;(11):46–51. DOI: 10.17223/23088451/11/9.

11. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. (Монография). Москва: Норма: ИНФРА-М; 2011.

12. Коршунов Н.М. Частное и публичное право: проблемы формирования основ современной теории конвергенции. *Журнал российского права*. 2010;(5):66–72.

13. Левченко О.В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности. *Международное уголовное право и уголовная юстиция*. 2021;(6):6–9. DOI: 10.18572/2071-1190-2021-6-6-9.

14. Левченко О.В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография. Москва: Юрлитинформ; 2022.

15. Марковичева Е.В. Роль института медиации в ускорении уголовного судопроизводства. *Российский судья*. 2010;(3):26–28.

16. Муратова Н.Г. О проблемах уголовно-процессуальных договоров. *Правосудие в Татарстане*. 2011;(4(48)):36–38.

17. Свиридов М.К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства. *Вестник Томского государственного университета*. 2012;(358):52–56.

18. Сидоренко Э.Л., Карабут М.А. Частные начала в уголовном праве: монография. СПб.: Юридический

or accused of committing crimes]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy; 2008. (In Russ.)]

4. Aleksandrov A.S., Zaitsev O.A. [Prospects for the development of contractual mechanisms in “economic criminal proceedings”]. *Ustoichivyi ehkonomicheskii rost I 80 arvo: sbornik materialov k XVI Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati professora S.N. Bratusya = Sustainable economic growth and law: a collection of materials for the XVI Annual Scientific Readings in memory of Professor S.N. Bratus*. Moscow: Publishing house “Jurisprudence”; 2021. (In Russ.)]

5. Andreeva O.I. [Limits of the manifestation of dispositivity in criminal proceedings]. Tomsk: TSU Publishing House; 2000. (In Russ.)]

6. Golovko L.V. [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. Moscow: Law Center Press; 2002. (In Russ.)]

7. Golovko L.V. [Institute of Criminal Law Mediation and its prospects in the Russian Federation]. *Zakon = Law*. 2009;(4):127–135. (In Russ.)]

8. Dikarev I.S. [Dispositivity in the criminal process of Russia]. Volgograd: Volga Publishing House; 2005. (In Russ.)]

9. Zhalinskii A.Eh. [Selected works: In 4 volumes. Volume 2. Criminal Law]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2015. (In Russ.)]

10. Zhestovskaya D.A., Tuzov A.G. [From protecting the public interest to protecting the victim's interest]. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal justice*. 2018;(11):46–51. DOI: 10.17223/23088451/11/9. (In Russ.)]

11. Korshunov N.M. [Convergence of private and public law: problems of theory and practice]. Moscow: Norma: INFRA-M; 2011. (In Russ.)]

12. Korshunov N.M. [Private and public law: problems of formation of the foundations of the modern theory of convergence]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2010;(5):66–72. (In Russ.)]

13. Levchenko O.V. [A conciliatory and compensatory method of resolving criminal cases of crimes committed in the sphere of economic activity]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i ugovlnaya yustitsiya = International criminal law and criminal justice*. 2021;(6):6–9. DOI: 10.18572/2071-1190-2021-6-6-9. (In Russ.)]

14. Levchenko O.V. [Participation of the prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case (experience of comparative legal research)]. Moscow: YurLitinform; 2022. (In Russ.)]

15. Markovicheva E.V. [The role of the mediation institute in speeding up criminal proceedings]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2010;(3):26–28. (In Russ.)]

16. Muratova N.G. [On the problems of criminal procedure contracts]. *Pravosudie v Tatarstane = Justice in Tatarstan*. 2011;(4(48)):36–38. (In Russ.)]

17. Sviridov M.K. [Trends in the development of Russian criminal procedure legislation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2012;(358):52–56. (In Russ.)]

18. Sidorenko Eh.L., Karabut M.A. [Private beginnings in criminal law]. St. Petersburg: Law Center-

центр-Пресс; 2007.

19. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. В: Колоколов Н.А., редактор. *Аппарат власти следственной*. (Монография). Москва: Юрлитинформ; 2016.

20. Сычев П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: монография. Москва: Юрлитинформ; 2020.

21. Терехов Е.В. Полномочия прокурора по разрешению уголовного дела в Австрийской Республике. *Законность*. 2011;(3):65–69.

22. Чурилов Ю.Ю. Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон. *Уголовное судопроизводство*. 2009;(2):9–10.

23. Шерстнев В.Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме. *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2020;(1(51)):103–110.

24. Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный механизм досудебного урегулирования простых уголовно-правовых споров: современное состояние и направление совершенствования. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019;(3(47)):207–210. DOI: 10.36511/2078-5356-2019-3-207-210.

25. Шмоллер К. Реформа уголовного судопроизводства Австрии (предварительные выводы). Статья 2. Новое в дознании. *Уголовное судопроизводство*. 2017;(1):37–42.

26. Aleksandrov A.S., Zaytsev O.A., Muraev P.P., Ruchkin V.A. The Institutional Basis for Implementing “Smart Technologies” in the Legal System of Fighting Crimes. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021;(155):1195–1203. DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесник Вероника Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

ORCID: 0000-0002-9918-5687

Author ID: 758355

Press; 2007. (In Russ.)]

19. Smirnov A.V. [Russian criminal procedure: a new model is needed]. In: Kolokolov N.A., editor. [*The apparatus of the investigative power*]. Moscow: Yurlitinform; 2016. (In Russ.)]

20. Sychev P.G. [*Criminal proceedings on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity*]. Moscow: Yurlitinform; 2020. (In Russ.)]

21. Terekhov E.V. [The powers of the prosecutor to resolve a criminal case in the Republic of Austria]. *Zakonnost' = Legality*. 2011;(3):65–69. (In Russ.)]

22. Churilov Yu.Yu. [The use of conciliation procedures in criminal proceedings contrary to the interests of the parties]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2009;(2):9–10. (In Russ.)]

23. Sherstnev V.B. [Optimization of the procedure for termination of a criminal case (prosecution) in connection with compensation for damages in full]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*. 2020;(1(51)):103–110. (In Russ.)]

24. Sherstnev V.B. [The criminal procedure mechanism of pre-trial settlement of simple criminal law disputes: the current state and direction of improvement]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3(47)):207–210. DOI: 10.36511/2078-5356-2019-3-207-210. (In Russ.)]

25. Shmoller K. [Reform of the Austrian criminal justice system (preliminary conclusions). Article 2. New in the inquiry]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2017;(1):37–42. (In Russ.)]

26. Aleksandrov A.S., Zaytsev O.A., Muraev P.P., Ruchkin V.A. The Institutional Basis for Implementing “Smart Technologies” in the Legal System of Fighting Crimes. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021;(155):1195–1203. DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veronika V. Kolesnik

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice

ORCID: 0000-0002-9918-5687

Author ID: 758355